

ЗВУКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

Минин и Пожарский

М. ШОЛОХОВ

ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ В ДВУХ СЕРИЯХ

АВТОР ЭКРАНИЗАЦИИ И РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК

ГЛАВНЫЙ ОПЕРАТОР ВАДИМ ЮСОВ
ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК ФЕЛИКС ВОЖЖЕВИЧ
КОМПОЗИТОР ВЯЧЕСЛАВ ОВЧИННИКОВ
РЕЖИССЕР ВЛАДИМИР ДОСТАЛЬ

В РОЛЯХ:

засл. деят. иск. РСФСР В. ШУКШИН,
нар. арт. СССР В. ТИХОНОВ,
нар. арт. СССР С. БОНДАРЧУК, Г. БУРКОВ,
нар. арт. СССР Ю. НИКУЛИН,
нар. арт. РСФСР И. ПАЛИХОВ,
засл. арт. РСФСР Н. ГУБЕНКО,
нар. арт. СССР Н. МОРДЮКОВА,
нар. арт. СССР И. СМОКТУНОВСКИЙ,
нар. арт. СССР А. СТЕПАНОВА,
нар. арт. РСФСР И. СКОБЦЕВА,
П. ФЕДОСЕЕВА

ПРОИЗВОДСТВО КИНОСТУДИИ «МОСФИЛЬМ»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

ОФИЦЕРЫ

Вечный зов

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

Александр Невский

Социология праздников ноября: День народного единства / Хэллоуин / 7 ноября

Беседа Семёна Уралова и Темыра Айтечевича Хагурова

Стрим СЗО-79 в Telegram от 04 ноября 2026

Youtube

Яндекс. Музыка

Аудио на podster.fm

Семён Уралов. Добрый вечер, уважаемые слушатели. С вами Семён Уралов и Темыр Хагуров, а значит время рубрики «Социология здорового общества». Всех с государственным праздником, Днём народного единства. Темыр Айтечевич, здравствуйте, рад вас слышать.

Темыр Хагуров. Добрый вечер, Семён Сергеевич, добрый вечер, уважаемые слушатели.

СУ. Сразу оговоримся, мы хотим сегодня разобрать ряд разных праздников, чтобы это была рефлексия ноябрьская. Месяц непогод начинается по всей стране, и по традиции у нас ноябрь всегда непростой месяц вот уже, наверное, — сколько? — 100 лет, уже больше 100 лет.

Мы сейчас вещаем из студии «Маячок» в Краснодаре. И мы слушали группу как раз краснодарскую «Мама Раша». Кто не знаком с творчеством этой группы, [послушайте]. Музыка и слова всегда имеют значение, мы всегда, когда настраиваемся, обязательно слушаем какую-то песню. «Мама Раша» — это краснодарская группа, работающая в очень редком жанре, как они сами это называют, красный стимпанк. Они поют из альтернативного Советского Союза. Мне эту группу во многом открыл как раз Темыр Айтечевич. Я какие-то отдельные песни слушал, а он, когда мы ехали в горы, погрузил меня более глубоко, и я заинтересовался. Это действительно, с моей точки зрения, уже не просто культурное, а социально-культурное явление, особенно потому, что этот красный стимпанк очень популярен ещё и среди молодёжи.

Сегодня мы слушали песню «Механический вождь». Выбирал Темыр Айтечевич, хотя много прекрасных композиций. Расскажите, почему именно эту песню мы слушали в самом начале.

ТХ. Да, сегодня мы будем обсуждать разные праздники. Во-первых, День народного единства. Во-вторых, недавно с размахом в молодёжной среде прошёл не наш праздник Хэллоуин, но молодёжь его активно отмечала. И наконец, впереди 7 ноября, праздник ныне забытый, но для поколения советских детей праздник важный, главный осенний праздник. Эта песня группы «Мама Раша» в каком-то смысле всё это объединяет: тема альтернативного Советского Союза, апелляция к вождю и к 7 ноября, тема молодёжного панкового фестиваля или чего-то такого. Здесь и ирония, здесь и апелляция к традициям и т. д. Поэтому выбрали эту песенку. Это юмористическое отражение всех праздников, которые мы сегодня будем обсуждать, и альтернативного Советского Союза.

СУ. Да, кстати, я как раз про вождя только сейчас задумался. Ведь на самом деле 4 ноября, если мы посмотрим исторически, то есть День народного единства, историческая отсылка —

это у нас перелом в Смутное время. А на самом деле это тоже праздник о вождях, потому что сначала был утрачен вождь от династии традиционной, потом разные вожди и вождики между собой боролись и доборолись до полного кризиса, попытались инсталлировать внешнего вождя, и даже получилось в лице Лжедмитрия. А выходом было рождение народных вождей — Минина и Пожарского. Так что это тоже о вождях праздник. Так же получается?

ТК. Совершенно верно.

СУ. Отлично. Но начнём постепенно. Я сейчас нахожусь в Краснодаре. Что с бытовой социологией происходит? История с Хэллоуином, который у нас раньше, до начала СВО, как минимум в медиа, в маркетинге, в телевизоре федеральном, поддерживался. В первую очередь, конечно же, это был вопрос продаж специфических товаров. На этом даже парикмахерские зарабатывали, стилисты, визажисты. Все на этом кормились. Но сейчас у нас даже подавляют отчасти это. Назвать это праздником странно. Поэтому я для начала предлагаю разобраться. А что это было? Конкретно в Краснодаре я наблюдал, в центре города было достаточно много, на самом деле, молодёжи, не тотально, но это было заметно. Несмотря на то, что, вроде, даже личный состав МВД какие-то разъяснительные беседы проводил — новости, по крайней мере, такие были. Молодёжь себя вела, надо сказать, адекватно. Я, по крайней мере, не заметил и по сводкам МВД не видел, чтобы были какие-то хулиганства или ещё что-то. Это в большей степени напоминало карнавал. Но в интерпретации, особенно для политизированного человека, а мы всё-таки политизированные, кто-то начинает в этом видеть некую оппозиционность или реакцию на то, что «вы запрещаете, а мы в ответ всё-таки разукрашиваемся под мертвецов. Как в своё время в Новосибирске был интересный проект, назывался «Монстрация». То есть была демонстрация, это была монстрация. Люди наряжались монстрами и выходили на такую демонстрацию.

Что за демонстрацию мы видим в Хэллоуине? Что этим хочет нам сказать молодёжь, и что мы считываем у молодёжи?

ТХ. Это интересный вопрос. Мне кажется, тут четыре слоя можно выделить в этом плане, социологических слоя. Первый такой слой, он второй по времени, если брать, он постсоветский.

> После крушения Советского Союза мы 30 лет честно пытались стать частью западного мира,

поэтому очень многое оттуда копировали. В том числе копировали и какие-то праздники: День Святого Валентина у нас прижился, и в том числе прижился Хэллоуин. Он воспринимался как шуточный хоррор-фестиваль, хоррор-карнавал молодёжью. Никаких ограничений долгое время не было. Слабый голос церкви, которая всегда выступала против, как-то был не очень слышен. Я ещё вспоминаю времена, когда в университете были раскрашенные тыквы, костюмы и т. д., ни у кого это не вызывало какого-то отторжения. Где-то после 2014 года начался постепенный возврат России к себе. Стал слышен голос церкви, которая говорила, что праздник не наш, что праздник не православный. Ислам и Духовное управление также отрицательно к нему относились. И уже после начала СВО, поскольку стала более явственной линия на некое обособление от Запада, возврат к корням, в том числе к культурным, к празднику возникло отрицательное отношение.

С чем связано это отрицательное отношение? Почему услышали голос церкви и голоса других традиционных религий против? Почему сейчас управленцы разных уровней сдержанно

негативно к нему относятся? История праздника на самом деле печальная. На Западе это традиционно праздник всех ведьм. 31 октября — День всех святых, а день всех ведьм — это маркировка дохристианского праздника, праздника друидического, сопровождавшегося, в том числе, человеческими жертвоприношениями. Праздники осени в разных дохристианских языческих культурах были связаны с культом некоторых божеств, некомплементарных к человеку. Отсюда все эти образы страшилок, мертвецов, тыкв и т. д. Праздник любят поклонники эзотерики разного типа, сейчас этого много, отсюда очевидно, что он культурно, содержательно-религиозно не совсем наш.

Ещё один слой — это реакция молодёжи на сам праздник, на запреты и т. д.

> У молодёжи всегда есть потребность в каком-то карнавале.

Они очень любят это всегда. На Новый год традиционно всегда (я ещё помню это в советских школах) костюмированные ёлки. А

> Хэллоуин стал выполнять функцию смешного молодёжного хоррор-фестиваля.

К этому активно подключался, как Семён Сергеевич справедливо заметил, маркетинг. В этот раз он тоже не остался в стороне. Маленький штрих. Например, в Краснодаре в клубах, которые молодёжь активно посещала, вход без костюма стоил тысячу рублей, а в костюме пускали бесплатно. Отсюда шляпки ведьм, маски мертвецов и т. д., и т. п.

То есть можно выделить несколько таких слоёв:

- Дохристианский праздник с языческими корнями, причём с мрачными языческими корнями — человеческие жертвоприношения и культ злого колдовства.
- Постсоветская история — стать частью западной культуры и воспринимать это просто как молодёжный фестиваль.
- История последнего времени — возврат к культурным корням, традиционным ценностям и очевидный диссонанс этого праздника с этими корнями и ценностями.
- И потребность молодёжи в том, чтобы погулять, подурачиться, посмеяться, понаряжаться и т. д.

СУ. Да, ещё добавлю, что это во многом праздник Голливуда, потому что именно

> Хэллоуину посвящено отдельное направление в голливудских фильмах.

Маркетинг — это отдельно, то есть можно много всего продать, а всё-таки культура ужасов — это именно голливудская культура, потому что у нас в кинематографе она и не прижилась. Появились отдельные хорроры, но они всё равно косплей. Это чисто американская культура.

> Как известно, лучше всего продаются острые эмоции, это как раз страх, секс.

В общем-то, так оно и есть. Я просто знаю ещё по своим сверстникам, как нарастало [увлечение] именно фильмами ужасов. Казалось бы, мы росли в одной советской школе, не

было этих фильмов ужасов. А потом вдруг [такой интерес]. Конечно же, это очень приблизительная социология, но порядка 10% круга общения, я замечал, подсели на фильмы ужасов. Это стало их любимым жанром. Причём те, кто подсаживается на фильмы ужасов, становятся коллекционерами, кроме всего прочего. То есть они собирали диски, пока были диски. Потом на винчестере в компьютере папки были специальные. В каких-то отдельных фильмах ужаса (мы сейчас не будем рекламировать, потому что не надо этого делать) есть просто отвратнейшие вещи, до садизма включительно. По моим прикидкам, какая-то часть общества под влиянием именно этой массовой культуры стали виртуальными садистами.

Как вы считаете, садистическая культура продолжает в обществе находить [отклик]? Ведь фильмы-то у нас не запрещали. Праздники праздниками, а это всё-таки кусок культуры.

ТК. Если говорить о садизме, то это отдельное направление в рамках хоррор-жанра. Да, действительно, есть ужасы, связанные с садизмом, иногда очень натуралистичные. Это прямо психопатология, отлитая в режиссёрских работах и в зрительских симпатиях. Есть хорроры мистические, подчас очень страшные. Мне иногда кажется, что там для воздействия на психику используются какие-то технологии типа 25-го кадра и проч. Есть очень интересные этно-хорроры, и наши, в том числе, последних лет, с каким-то этническим окрасом. Они разные, но вообще

> залипание на этом жанре ужаса, страха и т. д. — это, конечно, некий симптом, если не психологических проблем, то специфической акцентуации личности, когда интенсивные негативные переживания, видимо, помогают снимать какое-то внутреннее напряжение.

> А во-вторых, есть ещё история про адреналиновую зависимость. Интенсивные эмоции вызывают привыкание, и страх — не исключение.

СУ.

> Человеку нужно всё больше и больше получать страха.

ТХ. Да. То же самое, что с порнозависимостью. Как правило, начиная с безобидной эротики, люди переходят к всё более и более жёстким жанрам, которые опять-таки заканчиваются садизмом.

СУ. Я это тоже замечал на примере зависимости от детективов. Был период, когда мы с одноклассниками долго не виделись и несколько раз в год встречались. И когда началось тотальное увлечение сериалами, я заметил, что те, кто залипают на детективы, для них это больше такая жвачка. Детективы, боевики. То есть оно прожёвывается, а [в памяти] не остаётся.

ТХ. Ну, да.

СУ. А фильмы ужасов становятся любимыми фильмами. Это показатель.

ТХ.

> Страх — одна из базовых эмоций. Раздражая эту эмоцию, мы вызываем специфическое привыкание, которое, наверное, не лучшим образом сказывается на нашем психическом здоровье.

СУ. Конечно, в контексте когнитивных войн, которых мы с Темыром Айтечевичем постоянно касаемся, а я погружаюсь в это подробно, прослеживается тенденция, что

> технологии страха — это одна из ключевых технологий, с помощью которых человеку отключают рациональное мышление, после чего ему можно любые мысли внушить.

ТХ. Безусловно.

СУ. Отлично. Предлагаю двигаться дальше от Хэллоуина, который для нас, скорее, не праздник. Это правильнее, наверное, называть маскарад, карнавал? Или как этот жанр социологически, культурно-социологически лучше назвать?

ТХ. Наверное, это ближе к карнавалу. Здесь, конечно, есть параллели со средневековыми карнавалами. Причём это [присуще], скорее, традиционно для западной массовой культуры средневековой. В России нечто подобное было в виде масленичных гуляний — скоморохи и т. д., и т. п.

Но карнавалы в средневековой Европе носили более системный, более массовый характер.

> Карнавал — это переворот с ног на голову, это такая нормативная инверсия, когда то, что было низким, становится высоким, то, что было плохим, становится хорошим.

Чучела, маски, всякие пародийные страшные фигуры. Но это время было строго регламентировано. Карнавал начинался ударом колокола и заканчивался ударом колокола.

> Это был способ выпустить пар некий через веселые и агрессивные эмоции, испытать катарсис, сбросить напряжение

и т. д.

В Древнем Риме мы находим этому аналог — сатурналии, праздники Сатурна. Сатурн — это древнее божество до Юпитера. Нечто подобное мы и в античной Греции встречаем. Это апелляции к старым тёмным богам.

Главная фишка карнавала — это сброс нормативных ограничений, это такая временно разрешённая аномия, говоря социологическим языком.

> Если в обычной жизни люди живут в сетке неких правил, норм, иерархии и проч., то тут всё это отменяется, становится всё можно. Это буйство инстинктов.

Ещё раз, в традиционных культурах всегда существовали некие отпоры – запоры этого времени карнавального и т. д. Сейчас этих формальных включалок – выключалок меньше, и мы видели, что молодёжь спустя и день, и два ещё продолжала тусить.

СУ. Понравилось.

ТХ. Да, хочется погулять, подурачиться.

СУ. А я ещё внимательно смотрел на макияжи. Кто-то просто смешно наряжается, а кто-то явно вложился, у родителей взял денег или заработал даже. Профессиональный грим нанесён, потому что какой-нибудь шрам нанести — это очень недёшево, на самом деле, сто́ит. Поэтому ещё пару дней это носят. Как хорошая причёска у дамы: она уже сделана, буду ходить и всех радовать.

ТХ. Да, здесь, знаете, интересный вопрос возникает у педагогов, воспитателей, чиновников молодёжной политики — у всех, кто работает с молодёжью. Что с этим делать? Здесь, наверное, можно два замечания сделать.

> Запрещать и гонять, мне кажется, бесполезно, поскольку это примет неформальный закрытый характер.

СУ. Ещё геройство из этого сделают.

ТХ. Опять подключится маркетинг, закрытые вечеринки в клубах и т. д., и т. п.

> Отпустить вожжи и всё разрешать — тоже, наверное, не очень правильно.

Может быть,

> здравой была бы идея к этим числам приурочить большой молодёжный косплей-фестиваль, карнавал, маскарад,

где имели бы право на существование и ведьмы с вампирами, и космические десантники с мандалорцами, и гоблины с хоббитами и т. д. В общем, перевести в некий безобидный молодёжный маскарад-карнавал, не привязывая его к Хэллоуину, а сделать праздник молодёжной косплей-культуры.

СУ. По заветам советского прапорщика из анекдотов, если пьянку нельзя предотвратить, её надо возглавить.

ТХ. Совершенно верно.

СУ. Отлично. Двигаемся дальше.

Я для себя такие категории выделяю, которые хотелось бы разобрать: есть праздник, есть торжество, есть памятный день.

- Праздник (это даже в языке это у нас отражено) — душа хочет праздника. Тем более

слово «праздник» образовано от «праздный день», то есть когда мы ничего не делаем.
- Торжество — это когда настраиваются на какой-то определённый лад, то есть нечто возвышенное.
- А памятный день — это больше историко-политическая дата, когда важно что-то вспоминать, чем-то акцентировать.

> Все эти события бывают общественные, бывают государственные. А когда общественные, и государственные находят отклик и приживаются, они становятся народными,

как, например, 9 мая, Новый год, Рождество. Кстати в Рождестве тоже есть элемент карнавала. Вертепы, ходят ряженые, кто-то даже в смерть одевается.

ТХ. Колядки.

СУ. Да, тоже есть такая форма. Конечно, не каждый праздник и не каждое торжество становится народным. Сначала государство выдвигает некую инициативу, [а потом праздник приживается или не приживается]. А некоторые праздники, например, остаются народными, как, например, Ивана Купала (не во всех, конечно же, регионах). Но во многих регионах [его празднуют], несмотря на то, что такого праздника официально нет. Там ещё есть элементы язычничества определённого, но много где он остаётся вполне народным, особенно в деревенской местности.

Хотелось бы разобраться, чем является сегодняшний день 4 ноября. У нас было отдельное СЗО, посвящённое именно Дню народного единства, поэтому мы не будем сегодня глубоко [анализировать], как его понимать, как он появился, какая эволюция корней. Сегодня всё-таки день-то выходной. Это показатель, что государство относится серьёзно, раз сделали выходной день. Много есть разных мероприятий. Что сегодня за праздник 4 ноября именно для государства, общества, и куда он эволюционирует? Всё-таки уже давно он с нами.

ТХ. Я бы добавил ещё одно измерение. Праздник, торжество, памятный день. А есть ещё гуляние.

> Как правило, народный праздник — это там, где праздничный элемент соединяется с элементом гуляния народного,

когда люди собираются за столами, в круг, в хороводы, застолья, песни, танцы и т. д.

СУ. То есть это в действии выражается.

ТХ. Да. Специфическое действие почему-то с давних времён в разных культурах — праздничная трапеза и некое праздничное веселье. Исключение, наверное, 9 мая. Это «праздник со слезами на глазах», здесь не столько веселье, сколько торжество момента, но тем не менее.

Если брать праздник, то,

> к сожалению, в последнее время (в позднее советское и в постсоветское) праздник смешивают с выходными.

Праздник — это выходной, можно не ходить на работу, и доминирующим его элементом становится гуляние, застолье, веселье и т. д.

> Это редукция праздника, сведение его к каким-то низшим элементам, проявлениям — пищевкусовая редукция или информационно-раздражительная, когда праздник — это повод валяться на диване и смотреть телевизор

или что-нибудь ещё.

> Вообще праздник — это встреча с сакральным, это выход за некую обыденную действительность и встреча с чем-то великим, большим и очень значимым.

Например, для христиан эталоном такого праздника является праздник Пасхи. Ему предшествует пост, время самоограничения, потом этот сакральный элемент, пасхальная служба, всеночная, когда несколько часов проводят в храме, а потом это праздничная трапеза, это общение с близкими, с друзьями, песни, шутки и т. д. Отсюда [выражение] «Пасху празднуем весёлыми ногами». Это время радости, праздника и т. д. У мусульман такой аналог — это Курбан-Байрам, или Рамадан, как его называют. Это тоже праздник, которому предшествует пост и который завершается радостной трапезой.

В советское время, если мы вспомним праздник 7 ноября, там всегда был этот сакральный элемент, он проходил в виде общего сбора организованного — демонстрация на 7 ноября (так же, как и на 1 мая, на 9). Демонстрации предшествовал некий содержательный момент, когда какие-то важные, как считалось, речи произносят руководители и т. д. Сейчас не будем вдаваться в моменты ораторского таланта этих руководителей, как они эти речи говорили, насколько они были проникновенны, важны, значимы или, наоборот, дежурны и т. д., но был некий содержательный элемент. Мы вспоминаем о том, почему мы этот праздник празднуем, какое он имеет значение, потом некое совместное ритуальное действие. Для людей верующих это поход в храм или в мечеть, для светских праздников советского образца это совместное прохождение колоннами, которое символизировало единение, отдание дани под знаменем и т. д.

В празднике народного единства этот демонстрационный, организационный содержательный элемент ещё не устоялся в качестве некого ритуала праздника. А например, 9 мая мы все идём возлагать цветы к Вечному огню, 9 мая идёт Парад Победы. Это содержательное ядро праздника.

А здесь мы вспоминаем события начала XVII века, выход России из одной из самых болевых точек её истории, пересборку страны после Смутного времени, изгнание интервентов из Москвы, прекращение смуты. Опять-таки, для людей верующих это ещё и праздник Казанской иконы Божьей Матери, которая была символом того сопротивления ополчения Минина и Пожарского. А потом это какие-то праздничные мероприятия.

Праздник, безусловно, очень значимый.

> Народное единство — это то, что нам остро нужно.

Этот год у нас объявлен Годом единства народов России. Но нам нужно разное измерение единства:

- единство этнокультурное,
- единство этноконфессиональное (отсутствие конфликтов здесь)
- и единство социальное.

Дело в том, что

> социологов последние два десятилетия тревожит то, что мы постепенно теряем единый социум, тот, который был в Советском Союзе или сложился в постсоветское время. Мы переходим к каким-то новым, не всегда очень заметным, но глубоким формам социальной разорванности и социального неравенства.

Причём здесь, наверное, даже [больше подходит] термин «разорванность». Наше общество, если на него посмотреть, — это несколько даже не страт, а вот социальных пространств. Резкое падение массового культурного уровня, которое выражается в опрощении языка, в широком употреблении нецензурной лексики, в примитивизации вкусов культурного потребления (кино, книги и т. д.), сохранение очагов высокой классической интеллектуальной культуры, расслоение людей по сферам интересов. Сейчас есть возможность пребывать вообще в разных культурных нишах. Например, есть геймеры, которые играют в игры. Есть люди, находящиеся в каких-то фан-сообществах. Есть люди, находящиеся в каких-то сферах профессиональных интересов. Возникает интересный слой (мы в какой-то из передач его обсуждали) прекариат, мусорный рабочий класс, то есть люди без определённой профессиональной идентичности, которые в течение жизни меняют разные малоквалифицированные работы, сегодня работают, завтра не работают.

> Дефицит общей идентичности — вот это мы наблюдаем.

Поэтому народное единство, ощущение того, что мы всё-таки народ-семья, народ с общими корнями, мы живём в России, Россия-матушка, хоть для кого-то и занозонька, как поётся в популярной песне — это очень важные элементы. Поэтому, наверное,

> сейчас задача — максимально этот праздник делать понятным, доступным и формировать как полноценный праздник с этим сакральным содержательным интеллектуальным элементом и элементом каких-то народных массовых действий,

гуляния, хотя во многих городах, регионах проходят ярмарки, праздничные фестивали, посвященные Дню народного единства и т. д.

СУ.

> Для меня самый открытый вопрос — это возможно ли единство всех прослоек общества в условиях текущего политэкономического уклада и западнизации.

У нас же сегодня спецвыпуск СЗО, а впереди — как раз разговор о Марксе и его социологии. Я

для себя не ответил на вопрос, возможно ли единство в рамках текущего политэкономического уклада.

> Не является ли то, о чём вы говорите сегодня (распадание на группы, группки и слои), процессом естественным?

То есть попытки сохранить именно единство всех — это борьба со стихией?

ТХ. Отчасти да.

> Единство в условиях посткапитализма — это очень проблематичная штука,

потому что мы видим какие-то очень резкие формы социального неравенства, несмотря на все заявления, на политику, направленную на сохранение каких-то элементов социального государства, мы видим, что отдельные, большие довольно, социальные группы теряют защищенность. Тут можно много разных примеров приводить, это и доступность медицины в разных городах, в сельских населённых пунктах; доступность полноценного культурного досуга или полноценного образования; транспортно-логистическая доступность и т. д. Да,

> в условиях капитализма, особенно позднего капитализм, который (об этом почти все его аналитики говорят) тяготеет к превращению в неосословное общество, в неофеодальное общество или технофеодальное общество, единство оказывается проблематичным.

По большому счёту,

> два общих для всех праздника, которые действительно являются общенародными и всех скрепляют, — это 9 мая и Новый год.

СУ. Да, и ещё, к чему я тоже пришёл, и сегодня об этом и пост написал в Telegram, что

> в текущем политэкономическом укладе к единству приводит наличие общего врага. Ничто так не объединило русское общество, как наличие поляков на троне в Москве.

ТХ. Совершенно верно.

СУ. И сейчас мы видим, что

> единство — это борьба с бледнолицыми братьями и белыми господами. Но при этом какая-то часть правящих и владеющих элит всё-таки стараются даже договориться.

Им хотелось бы вернуться в доСВОшное время.

ТХ. Мы как-то говорили в одной из передач, что по отношению к СВО общество раскололось на три большие группы:

- где-то 35 или 40 процентов — это Z-повестка, активные патриоты и примкнувшие к ним пассивные патриоты. Сложно говорить, как они процентно распределяются, в разных регионах по-разному. Это участники СВО, члены их семей, сочувствующие, волонтёры. Они различаются степенью активности, но это некая более или менее мобилизованная патриотическая часть общества.
- Противоположная группа, это 10 или процентов, — либерально-западная часть. Наиболее активные её представители уехали, большинство осталось здесь и стараются не чирикать, но среди них очень много представителей элиты. Я напомню, что по разным подсчётам 250 или 300 тысяч российских семей имеют за рубежом недвижимость, родственников, детей и т. д. Это семьи элиты в первую очередь.

СУ. Это владеющая прослойка.

ТХ. Да. Это те, для кого «Россия — часть Запада» и «Скорее бы всё это закончилось», и «Ребята, давайте опять жить дружно».

- Между ними — тревожное большинство, около 50 или чуть больше 60 процентов, которые говорят: «Слушайте, мы за всё хорошее, но пусть это всё закончится, мы не хотим проблем». Это люди с мещанско-потребительскими ориентациями, которые не имеют внятной политической позиции, а хотят просто жить и заниматься своей частной жизнью и которым весь этот кошмар тоже не нужен.

СУ. Принято. Ну что ж, настало время поговорить о 7 ноября. Вкратце вы, Темыр Айтечевич, уже коснулись социологии 7 ноября. Я просто хочу напомнить, что мы все живём в разных политических концепциях. Я живу в политической концепции, что есть Россия текущая, есть Россия историческая. И Россия историческая включает в себя не только Российскую Федерацию. Она может быть в разных государственных формах. Для тех, кто нас слушает впервые, например, когда мы говорим про историю Руси, была же история централизованной Руси, а была история раздробленной Руси. Был период, когда часть Руси была внутри Великого княжества Литовского, а потом — в составе Речи Посполитой. Смоленск, например, — областной центр Российской Федерации, но тем не менее какую-то значительную часть истории он находился внутри польского государства. Но это же всё равно для нас историческая Россия?

ТХ. Безусловно.

СУ. И вот, в частях исторической России, как минимум в двух, во-первых, в моём любимом Приднестровье, а также в Республике Беларусь, 7 ноября являются государственными праздниками. Я многократно бывал в Белоруссиии, жил там. Отец мой последние дни провёл как раз в Белоруссии и покой обрёл там. В Белоруссии это праздник государственный (я даже был там на столетии [Октября] в 2017 г.), но не так чтобы широко празднуемый. Есть там какие-то официальные обращения, но от советского размаха осталось очень-очень мало, скорее формализм. В Приднестровье тоже не скажешь, [что это большой праздник]. Но так как Приднестровье — республика южная и маленькая, люди там все друг друга знают (всего полмиллиона [жителей]), там любой государственный праздник — это всегда повод для гуляний, в том числе. Какие-то мероприятия проходят в Тирасполе, в Бендерах, все друг друга знают, все выходят.

> В Приднестровье вообще празднуют все праздники, и российские, и советские. Это повод почувствовать единство в условиях окружения недружественного.

Поэтому,

> несмотря на то что в Российской Федерации 7 ноября сейчас считается памятной датой, нельзя считать, что его совсем вычеркнули,

то есть его оставили в статусе памятной даты, но праздником государственным он не является. Хотелось бы разобрать именно феномен социологический, потому что, с моей точки зрения, хотя я малое количество времени прожил в Советском Союзе, всего 12 лет мне было [на момент крушения СССР], но там наблюдались все элементы. С одной стороны, это был государственный праздник. Был элемент прокачки идеологической: показывали фильмы, шли демонстрации, города украшались, причём делалось это массово. Была обязательная демонстрация 7 ноября, причём она охватывала всё. Я много читал воспоминаний, мемуаров сотрудников обкомов идеологической вертикали, подготовка к 7 ноября начиналась за 2–3 месяца, это был чуть ли не поквартирный обход, все предприятия ставились на уши. Это же сейчас обзвоны, селекторные совещания по видео, а тогда с каждым предприятием связаться, кто сколько поставит скамеек, кто как организует, где что будет, сколько шариков. Города преображались. И всё, кстати, было выполнено, с моей точки зрения, ещё на достаточно высоком художественном уровне. Опять-таки, если мы посмотрим именно на стилистику оформления, это было украшение городов. Сейчас, наверное, только к Новому году так украшают города — именно в одном стиле и массово.

И второе — то, что это сопровождалось ещё и шествиями — демонстрациями. То есть не только государство показывало, что это праздник, ещё и общество становилось в строй, в строй организованный, потому что чаще всего шли предприятия на этой демонстрации. Там были и районные делегации, но в массе своей были именно от предприятий, потому что это же праздник идеологический, национализация промышленности — это было одно из главных достижений, и вот, благодарные сотрудники уже советских предприятий выходят на демонстрацию. А потом это всё-таки завершалось народными гуляниями. Конечно, в тех регионах, где погода позволяла, потому что уже в Сибири, на Дальнем Востоке 7 ноября уже люди в пальто, а может быть даже и в шубах. А южнее погода вполне ещё позволяла потом это превращать в народные гуляния. Как минимум, это завершалось застольями уже друг у друга в гостях, потому что это был повод вместе собраться, фильмы не так часто показывали по телевизору, но была обязательно концертная программа. Плюс, был ещё и определённый элемент карнавала, потому что обязательно было то, что сейчас называется «историческая реконструкция»: будёновцы, тачанки, красноармейцы, парад — больше не современной техники, а именно как реконструкция. С моей точки зрения, это интереснейший феномен, 7 ноября. Я хотел бы, чтобы вы социологически обозрели его.

ТХ. Да, безусловно, 7 ноября был один из главных советских праздников. Это рождение советского государства, Великая Октябрьская социалистическая революция. Я в детстве помню, это был всегда праздничный стол, бабушка с дедушкой [доставали] хрустальные бокалы, рюмочки. Концерт по телевизору, гости, праздничная еда. И так было в большинстве советских домов и квартир.

Здесь, наверное, нужно о 7 ноября сказать несколько слов для аудитории, не заставшей Советский Союз. Дело в том, что

> этот праздник, как и вообще советский период, стал жертвой мощной отрицательной мифологии постсоветской.

К сожалению, постсоветский уклад складывался в огромной степени как антисоветский уклад. Все эти перестроечные истории про «кровавый совок», «мордор», «переворот необразованного быдла», который травмировал «прекрасную» аристократию, интеллигенцию и проч. Символом этой мифологии в каком-то смысле стал фильм, снятый по Булгакову «Собачье сердце», в постсоветское время очень любимый.

СУ. О, да!

ТХ. Шариков со Швондером олицетворяют революционное начало.

СУ. Это идиоты. Это показаны идиоты.

ТХ. Бунтующее быдло, да.

Но давайте на секунду вспомним, что

> 7 ноября тогда и на Западе, и у нас называли «весной человечества».

Джон Рид, «Десять дней, которые потрясли мир». Вспомним первые декреты советской власти: восьмичасовой рабочий день, отпуск по беременности и родам.

> Все те социальные льготы, которые нам сейчас кажутся естественными, — это завоевания Октября:

оплачиваемый отпуск, оплачиваемые выходные, отпуск, медицинское обслуживание, оздоровление детей, пенсионное обеспечение и прочее, прочее, прочее.

Некоторые идеологи очень любят вспоминать, как много получали высококвалифицированные рабочие при царском режиме. Иногда приводят слова Никиты Сергеевича Хрущёва. Так вот, таких рабочих было 10 или 15 процентов. Это действительно высококлассная прослойка, рабочая элита: токари, фрезеровщики и т. д. Их было мало. Основная часть рабочего труда была менее квалифицированной, условия жизни и труда были ужасающими. Всё это зависело целиком от воли хозяина. Где-то хозяин был более человечным, а где-то, наоборот, жестоким эксплуататором. Но логика капитала и капиталистического производства заставляла снижать издержки, а к издержкам относились в первую очередь зарплата и социальное обеспечение рабочих и т. д.

> Революция стала уроком миру о том, что жизнь можно устроить по-другому, что её можно устроить не на началах эксплуатации, а на началах всеобщего коллективного труда.

> Всеобщее образование — главное завоевание советской власти, когда элитное образование сделали массовым, и народ на это откликнулся, вчерашние

крестьянские дети стали академиками, космонавтами, маршалами.

В Великой Отечественной войне они на равных имели дело с многопоколенческой военной элитой и победили её. Первый космонавт, улыбка которого стала символом прорыва в космос, — из простой крестьянской семьи.

Мы всё это забываем, а тогда это чувствовалось, об этом говорили на 7 ноября — о том, как

много получили простые люди.

> Это был праздник социалистов всего мира. Он показывал, что возможна победа над классовой несправедливостью.

Его праздновали коммунисты во всех странах и Европы, и не только Европы, вплоть до того, пока вторым таким символом не стала Кубинская революция.

> А потом [восторжествовала] консервативно-монархическая мифология из серии «Проклятые большевики свергли царя» или «Революция свергла царя».

> Для тех, кто забыл учебник истории, важно напомнить, что царя свергла Февральская революция, и причастны были к этому ведущие капиталисты, министры и ближайшее царское окружение, а также все генералы, все командующие фронтами.

Большевиков там и близко не было, они просто тогда не существовали как политическая сила в тех политических процессах.

> За полгода Временное правительство довело страну буквально до состояния полного кризиса, краха. И Октябрьский переворот, как его тогда называли, — это была экстренная хирургия, которая позволила спасти государство, пересобрать его заново и осуществить великий социальный эксперимент XX века, который назывался Советский Союз.

Мне кажется, очень важно об этом помнить сегодня, и важно об этом напоминать, в том числе в интеллектуально-просветительских мероприятиях, историях, передачах и т. д., потому что, к сожалению,

> нынешнее поколение всё хуже знает историю, и это одна из ловушек когнитивной войны, когда незнание истории позволяет людьми манипулировать.

СУ. Да, для меня показательно, что в Китайской Народной Республике государственный праздник — это день образования КНР, а 7 ноября как-то тоже потерялось. Вы сказали про «весну человечества», а по большому счёту

> без 7 ноября и создания Советского Союза Китай, скорее всего, оставался бы западной колонией по сей день.

ТХ. Безусловно. А также Вьетнам, Корея, Куба и вся Латинская Америка.

СУ. Я сделал акцент на Китай, потому что это нынешний экономический лидер, и во многом лидер именно потому, что были сделаны правильные выводы, в том числе, и из краха

Советского Союза. Не только из рождения советской власти, но и из краха.

Кстати, показательная история. Телеканал «Патриот» к сегодняшнему празднику провёл опрос, чтобы назвали главные отечественные фильмы о единении народа. И что получилось?

- «Они сражались за родину», фильм 1975 года.
- «Александр Невский», фильм 1938 года.
- Фильм «Минин и Пожарский» 1939 года.
- «Офицеры», фильм 1971 года.
- И сериал (многосерийный фильм, как говорили в Советском Союзе) «Вечный зов», 1973–1983 год.

То есть даже у современного общества с народным единством ассоциируются произведения, созданные в период, как мы называем с Темыром Айтечевичем, советской античности, потому что именно в античности было создано то, что актуально по сей день. И

> я лично очень надеюсь, что 7 ноября будет у нас отрефлексировано и государством, и обществом правильно, для того чтобы не только понять исторические уроки, которые мы извлекли, но ещё и получить правильный посыл в будущее.

С моей точки зрения, тех высот в деле единства всех прослоек общества [мы тогда не достигли], потому что в Советском Союзе была и своя буржуазия, скажем прямо, особенно после 70-х годов, она скрывалась всячески.

ТХ. Уже в 60-е, да.

СУ. Знаменитое дело Гдляна – Иванова, узбекское хлопковое дело, там вполне себе были эксплуататоры, которые существовали внутри партии, неофеодальные отношения. Этим наши кавказские республики грешили. Комедия «Кавказская пленница» как раз об этом. «Но это не в нашем районе происходит». То есть эти прегрешения были, и никуда ты от этого не денешься, но об этом говорили ещё и классики. Как товарищ Сталин говорил, что по мере построения социализма классовые противоречия будут только увеличиваться.

ТХ. Кстати, по поводу Советского Союза, вчера в университете на филологическом факультет ко Дню народного единства провели интересное событие (в качестве аудитории были социологи, которым это полезно) — акцию «Голоса Кавказа в русской литературе». Великие русские кавказские поэты и писатели Расул Гамзатов, Фазиль Искандер, Тембот Керашев, Нальбий Куёк и другие, их голосов никто бы не услышал, если бы они не говорили на русском языке. Их никто бы не знал, если бы их не издавали стотысячными и миллионными тиражами. Это всё заслуга советской власти, как и возможность каждого народа, каждой культуры говорить на своём языке в одной общей семье большой русской литературы, большого русского языка.

СУ. Это правда. Я, конечно, филолог только по образованию, по специальности не работал и наукой не занимался, но знаю, что в рамках этой концепции выделялась отдельно русская советская литература, которая, конечно же, была наследницей русской классической литературы, но она в себя включала, в том числе, и таких писателей как Чингиз Айтматов, которые писал на русском, то есть у него есть произведения, написанные и на киргизском языке, и на русском. Поэтому разделить, где начинается одно и заканчивается другое, очень-очень сложно, и неправильно это разделять.

ТХ. Гениальную формулу предложил Гамзатов, который говорил:

> «В Дагестане я аварец, в Москве я дагестанец, за рубежом я русский».

СУ. Отлично! Отличная формула!

Темыр Айтечевич, спасибо за сегодняшнюю беседу, посвящённую тому, как разделять праздники, празднования, гуляния, шествия, памятные дни, и вообще, как правильно относиться к торжествам.

ТХ. Спасибо вам, Семён Сергеевич.

СУ. Уважаемые слушатели, напоминаю, что сегодня был 79-й выпуск нашей спецрубрики «Социология здорового общества», бесед с Темыром Айтечевичем Хагуровым, социологом-девиантологом. А также напоминаю, что мы двигаемся в двух жанрах. У нас есть больше лекционные выпуски. И следующий наш лекционный выпуск будет посвящён социологии Маркса. А также мы разбираем наследие, в первую очередь, советской античности, но и современные культурные произведения. Поэтому, если вам попадаются какие-то фильмы, мультфильмы, ещё что-то, что вы считаете важно разобрать с точки зрения здорового общества, разобрать социологически, пишите в комментариях. Мы за всем внимательно следим, прислушиваемся и будем разбирать.

ТХ. Так точно.

СУ. Спасибо, до новых встреч, да пребудет со всеми чистота понимания.

ТХ. Всего доброго.

Словарь когнитивных войн
Телеграм-канал Семёна Уралова
КВойны и весь архив Уралова
Группа в ВКонтакте. КВойны. Семён Уралов и команда
Бот-измеритель КВойны
Правда Григория Кваснюка